Баянова Алла 3.08.96.

Веч. Москва. — 1996 Зав.-1.6

Этого вы пока нигде не прочтете

МАГИЯ АЛЛЫ БАЯНОВОЙ

Слово к читателю

Моя книга «Гори, гори, моя звезда...», первая книга в жизни, которую я написала, вышла в свет два года назад. К моему огромному удивлению — ведь я в жизни не собиралась писать! А сделала это, чтобы избавиться от бесконечных разговоров: «Ах, Алла Николаевна! У вас такая интересная жизнь! Вы должны обязательно записать все, что видели и встречали в жизни!». На меня наседали со всех сторон! Уже нашли мне редактора и каких-то помощников... Но я сказала: «Уж если я буду писать, то так, как думаю, как чувствую, как говорю, не надо ничего редактировать».

И вот она вышла... Конечно, с большими трудами и маленьким тиражом — всего 24 тысячи, кажется... Помогла тамбовчанка Людмила Алявдина. Успех превзошел все наши ожидания. У меня просили, умоляли дать почитать и по сей день еще просят. В общем, мне это, конечно, все безумно приятно. И, может быть, даже больше, чем тот сценический успех, та любовь и те овации, которые выпали на мою долю, потому что в ней моя собственная жизнь.

Но я сделала ошибку: я вырвала из этой жизни несколько красочных, как мне казалось, кусков. Именно вырвала, и так же их оборвала. Я все торопилась: скорей, скорей! Времени мало — гастролей много (и слава Богу, что много!). И вот я должна признаться в том, что я этой моей первой книгой не удовлетворена. Меня многие просили еще раз написать. Но меня ужас брал сидеть и часами наговаривать, мучительно вспоминать, правдиво и беспристрастно, свою собственную жизнь. Ведь для этого надр время, надо быть, скажем, в доме отдыха, ходить с магнитофончиком и записывать мысли, которые приходят в голову... К сожалению, для меня это невозможно: я всегда окружена, у меня всегда люди. Если бы не Таня Кузнецова, я бы, конечно, ни за что не взялась. Понимаете, может быть, другие пишут свои воспоминания и немножко их приукрашивают: то ли подбавляют, то ли убавляют... А я стараюсь, чтобы это была чистая правда, без всяких утаек и украшений с моей стороны.

Вот что я вам хотела сказать в начале этой книги. Безусловно, я хочу, чтобы ее издали, потому что мне было бы стыдно разочаровать и Таню, и других: пообещать, начать что-то и не окончить. Я постараюсь.

Я очень люблю Вечернюю Москву, с ее чудесными [illegible], с таким вкусом созданными нашим [illegible] любимым Борисом Михайловичем, и [illegible] мне дорога и газета с этим милым названием.
Милые мои москвичи, мои зрители, которые на моих концертах так щедро дарят мне ласку, цветы, стихи, дай Вам Бог здоровья и силы еще какое-то, надеюсь, короткое время перетерпеть сегодняшний мрак, пока наша любимая Великая мать - Россия твердо встанет с колен! Вам будет радость, вам будет счастье! Это все, что я Вам желаю сегодня... А пока — жить, жить, жить! Любящая вас
Алла Баянова.

Дитя любви

Мой отец учился пению в Риме у маэстро Коттони. Это я уже писала, но напоминаю. Так вот, закончив свою учебу в Риме, он вернулся в Кишинев. Поскольку у него был удивительной красоты голос, баритональный бас, его моментально захватили антрепренеры, и он начал гастролировать по Руси. У него были тогда гастроли по Сибири, в Кишиневе, Одессе, Киеве — в общем, он был нарасхват. Они тогда только обвенчались с матерью, и чтобы им совсем не разлучаться, он устроил так, что она танцевала в кордебалете тех спектаклей, в которых он пел. Я уже писала о том, что мать занималась хореографическим искусством. Тогда девушке надо было красиво и с достоинством себя держать, красиво делать реверанс, походка должна была быть легкая, достойная. Она несколько лет провела в школе танцев, и вот этот танец ей пригодился.

Как-то раз у него были гастроли в Одессе. И там было очень много дам, его поклонниц, которые от первого его взгляда млели. Посудите сами: он был молод и хорош собой, высокого роста, и мало того, что богатырского сложения и необыкновенной физической силы, да еще плюс этот голос и это очарование личности — все это сражало дам прямо на ходу. И они тогда поссорились с матерью на почве ревности, и поссорились так серьезно, что мать решила возвращаться в Кишинев к своему отцу. Тем более что трое ее братьев и одна сестра были гораздо младше ее, и она как бы заменяла им мать, рано умершую. Они все жили с отцом, который был тогда статским генералом, директором коммерческого училища в Кишиневе.

В общем, она хочет вернуться, но тут отец вовремя ее подхватил, и началось объяснение. Объяснение закончилось сумасшедшим, безумным примирением. Так как оба страдали от этой ссоры, примирение было настолько горячее, настолько страстное, что они оба не могли его забыть, и вспоминали это сладкое примирение, когда мне было уже лет шесть. Мать рассказывала об этом как-то раз в Париже своим друзьям за таким дружеским застольем. И я великолепно помню, как мама говорит: «Ну вот вам, пожалуйста, смотрите, это доказательство», — и показывает на меня, которую уже вели спать. Вот этот вечер остался в моей памяти...

Оказалось так, что мое зачатие произошло в Одессе вследствие их перемирия, вследствие той безумной ночи, которую они провели, снова найдя друг друга и поклявшись никогда больше не разлучаться. Так онс и было до самого конца: они оба умерли в один год. Я росла у родителей единственным ребенком. Надо вам сказать, что сейчас у меня родных нет, нигде. Мне Господь Бог дал много: красоту, голос и обаяние, говорят... Да я это и сама чувствую на людях. Но он меня лишил самого главного для женщины — семьи. Кровно родных людей у меня нет, я совершенно одна.

Учитывая все сказанное выше, я себя считаю одесситкой, конечно. Отец страстно любил этот город, очень много гастролировал, его хорошо знала и любила публика. И когда я в первые годы моего возвращения поехала на гастроли в Одессу, то очень волновалась. Я ее видела в первый раз, только слышала от родителей: они очень много и горячо вспоминали об этом городе. Как только приехали, я все бросила в гостинице и побежала смотреть на тот театр, где в юности так часто выступал Николай Баянов. Я ходила вокруг него, и мне казалось, что отец около меня и вместе со мной обходит это здание. А когда меня ввели в гримерную, то волнению моему не было предела. Может быть, именно тут отец накладывал грим на своего Мефистофеля Бойта, Руслана или Томского... Когда же подошла незабываемая минута моего выхода на сцену, мне казалось, что сердце у меня бьется в горле, а не в груди. Я перекрестилась три раза, как это делал мой отец перед выходом, и с правой ноги шагнула на сцену. Я не помню, чтобы когда-нибудь я пела с таким подъемом и наслаждением, как в тот памятный вечер. С тех пор мне так и не пришлось больше выступать в Одессе. Мне кажется, что какой-то злой рок преследовал меня с этим городом. Я всегда туда рвалась, как всегда рвусь в Петербург, но как будто злая мачеха каждый раз останавливает мои гастроли...

Так вот, то сладкое примирение моих родителей, которое произошло в Одессе, — это начало, самое начало моей жизни, остальное в «Гори, гори, моя звезда...». Напомню немного читателю. Я родилась и беспрерывно орала истошным голосом день и ночь. Я была очень некрасивым младенцем, из маленького круглого ротика которого летели дикие вопли. Всех я беспокоила, и все говорили с раздражением: «Господи, да эта тоже певицей будет, наверное! Орет день и ночь!» В один прекрасный день не выдержал мой дедушка, отец моей матери (которую Николай похитил и женился на ней против воли ее родителей!), и неожиданно появился у моей тетки, старшей сестры отца. Она-то и приютила в своем кишиневском особняке молодых: брата и его жену Женю Скоропадскую, при замужестве переменившую фамилию на Скородинскую. А Баяновы — это вначале был псевдоним, придуманный мамой, позже он стал нашей фамилией.

— Путь мой был очень тернист. Сейчас, оглядываясь назад и как бы через сито просеивая всю свою жизнь, могу сказать одно: я всегда страдала от политики — с рождения и по сей день. Видно, так мне уже было предначертано свыше. Когда наступало какое-то поворотное событие, которое могло дать полный расцвет моим возможностям, всегда что-то мешало, непреодолимое, как скала.

Вот, например. У моей мамы была младшая сестра Рита, с которой меня все время сравнивали, говоря, что я на нее очень похожа. Рита вышла замуж за поляка и, когда в России началась революция, она уехала в Польшу. И мы ее потеряли из виду. Долго сестры не виделись. Наконец нашли друг друга... И так как тетя Рита родилась под более счастливой звездой — ее муж был очень состоятельным человеком, открыл в Катовицах цементный завод, то она пригласила нас с мамой к себе. Дом был — полная чаша. Роскошный особняк, машина и покой, которым наслаждалась тетя Рита в аристократической семье своего мужа. Не то что у нас: все время взлеты и падения. Старший брат ее мужа Мишель был назначен в Вашингтон послом польским.

Из новой книги звезды российской эстрады — специально для читателей «ВМ»

Есть такие особенные люди, я назвала бы их — собиратели. У них дорогой дар находить в потоке жизни истинно ценное и не давать ему исчезнуть... Татьяна Кузнецова — из таких. Свою жизнь сама она делит на две части — первую, в которой двадцать лет проработала инженером в «ящике», и нынешнюю. В той, «ящиковой», ее отдушиной была поэзия. Недавно Татьяна завершила серьезную исследовательскую книгу о духовных истоках творчества Марины Цветаевой. А еще она — хозяйка очень хорошего литературно-музыкального салона «Таланты и поклонники», участвует в работе молодого оперного театра имени Прокофьева, давний друг и автор клуба нашей газеты «Москволюбы».

Два года назад Татьяна познакомилась с яркой кометой, ворвавшейся в нашу культурную жизнь, — Аллой Баяновой. Уникальной певицей, очень красивой женщиной и необыкновенной личностью, живой носительницей исконных традиций русской культуры, бережно сохраненных «белой» эмиграцией вдали от Родины, на чужбине... Достоинство и обаяние, гордость, открытость, юмор и терпение — о, у этой Прекрасной Дамы есть чему поучиться всем нам, женщинам и мужчинам, молодым и не очень...

И за всем этим — судьба русского человека, перед глазами которого прошли, по существу, все важнейшие события уходящего века. Совершенно особое восприятие таких обычных, естественных для нас вещей, как свое Отечество, просто прогулка по улицам с русскими вывесками, просто звуки родной речи прохожих на Старом Арбате, где она теперь живет... Это стало возможным благодаря перестройке: вернуть исконное гражданство и получить уютную квартирку в одном из здешних двориков помог М. С. Горбачев.

Уникален талант Аллы Баяновой. Но уникален и дар Татьяны Кузнецовой быть поклонницей, собирательницей драгоценных жемчужин памяти, знания, наблюдений. Поздравим же обеих соавторов удивительно интересной, искренней, познавательной, воспитывающей книги, за два года встреч наговоренной «славянкой с персидскими глазами» (как назвал ее когда-то Вертинский) своей преданной слушательнице, с завершением большой работы.

«Магия Аллы Баяновой» — так назвала Кузнецова эту новую («толстую»!) книгу, только что подготовленную к изданию. Благодарим Аллу Николаевну и Татьяну Васильевну за любезное согласие первыми познакомить читателей «Вечерней Москвы» с главами уникальных воспоминаний.

Алла ШУГАЙКИНА

И вот мы приехали к ним, нас принимали исключительно тепло, по-родственному радушно. Мы познакомились и с Мишелем, который тоже находился в то время в Катовицах. Мне было 19 лет, а ему 40. Я только потом поняла, как он был влюблен в меня и старался от всех скрыть это чувство. Он был женат на чопорной даме и детей не имел. С нас взяли слово, что мы не замедлим приехать в Вашингтон, дорога и все расходы нас не касались. Но... Это был 1938 год, Гитлер объявил войну, и, конечно, поездка провалилась. И только как воспоминание об этом у моей подруги Женьки осталась моя фотография с надписью «Перед отъездом в Америку».

Потом началась эта эпопея в Румынии. Я попала в лагерь, после чего встретила Стефана (второй муж А. Б. — Ред.), который меня спас от сигуранцы, укрыв в своем имении. (И где в свою очередь она спасла около 20 советских военнопленных. — Ред.), то есть в начале 40-х годов тоже была возможность изменить судьбу. Стефан был из аристократической семьи, его мать была фрейлиной короля. У них были родственники и друзья в Лондоне, и они звали нас к себе. Тогда была возможность уехать, давали паспорта, и многие этим воспользовались. Стефан предложил мне тоже уехать, мы даже лес продали для этой поездки — 500 га леса! Но мои родители были смертельно больны, как могла я их бросить и не знать, что с ними?.. Остальное я написала в первой книге. Как нас в 24 часа, когда русские прорвали фронт, эвакуировали вглубь страны в усадьбу к моей свекрови, как потом Стефана сослали на каменоломню, где он подорвал свое здоровье и вскоре умер.

Николай Баянов в роли Мефистофеля

Позднее моя судьба была не легче. Меня начал страшно травить Чаушеску. Я почти десять лет рта не открывала! С 30 до 40 лет, чудных женских лет — самый расцвет! — я не пела: у меня был волчий билет. Да, много было терний на протяжении всей моей жизни с самого рождения, когда я потеряла родину и начались наши скитания... Есть один прекрасный, горестный романс Пуаре о причудах судьбы. Он называется «Лебединая песня» и начинается так:

Я грущу... Если можешь понять
Мою душу доверчиво нежную,
Приходи ты со мной попенять
На судьбу мою
странно мятежную...

Но я этот романс, несмотря на то, что он мне очень нравится, не пою, потому что у него фатальное свойство: как только кто-то из певцов начинает его исполнять, он вскоре умирает... Так было с Варей Паниной, с Настей Поляковой и позже с Валерием Агафоновым.

А сейчас я хочу немного подробнее остановиться на некоторых моментах своей жизни, которые всплывают в памяти... Я слишком любила своих родителей, чтобы пенять им за то, какую ошибку они совершили, уезжая из Румынии и выбрав эмигрантскую жизнь. Я родилась в Кишиневе, и когда по окончании первой мировой войны Бессарабия отошла к Румынии, мы оказались на чужбине и стали румынскими подданными. Нам выдали румынские паспорта. Сами румыны очень гуманно отнеслись к тем людям, которые ушли от советского режима, так сказать, от советского быта.

Бессарабия — это была помещичья страна, удивительно легкомысленная, удивительно веселая, удивительно гостеприимная. Гостеприимная донельзя! Если люди приезжали на именины и оставались на... 16 лет?! Согласитесь, что это ненормальность какая-то была у бессарабцев в приеме своих друзей.

Самой большой радостью и целью каждого помещика было ехать в Кишинев на своих лошадях и выуживать на улице гостей. Конечно, все гости друг друга знали, все они были друзьями. «А, Николай Иваныч! Идем водку пить! Иван Петрович, вы куда? Давайте заходите, у меня сегодня пироги с капустой, с грибами, с мясом... Ну, пожалуйста, ну поедем, место же есть в экипаже!» Машин, слава Богу, не было... Экипажи, лошади — как это было красиво и хорошо! Вот такая была Бессарабия!

Помещики там были богаты, у них были сотни десятин пахотной земли. Урожаи были великолепные, потому что действительно они работали с крестьянами «половина наполовину». Работа мужика, а все машины, веялки, сеялки и все, что необходимо для сельского хозяйства и посевов, — все давал помещик. И потом делилось пополам. И поэтому старались они безумно. Никто их не обижал, никто не обманывал. «Барин? Ой, наш барин! — почтительно говорили мужики. — Он не обманет. Сколько там будет пудов пшеницы на гектар, столько и будет поделено честным образом».

Ну вот, это была Бессарабия. И многие помещики не захотели уходить из своих гнезд, которые сохранялись у них поколениями. Они остались в своих домах, со своей мебелью, со всеми теми любимыми вещами, которые их окружали десятки лет. Половина же бросила все и уехала в глубь страны. Так вот те, кто остался, погибли все...

Алла Баянова на пляже. 30-е годы.

Во время войны они встречали советских солдат цветами, улыбками, пирогами, хлебом-солью. Встречали искренно, от души, потому что все тосковали по России, по русским людям, по настоящим русским людям, которыми мы считали советских. Но мы так ошиблись! Подлинное русское было задавлено сталинским режимом, разбросано по лагерям. Выходит, именно мы, которые ушли вовремя, еще сумели сохранить традиции, устои, сумели сохранить любовь к России, к земле русской, к животным, к природе, к семье и так далее. Конечно, нет такого русского человека, который не любил бы рюмки водки. Но рюмки водки в окружении своих любимых друзей — так надо жить.

Елена Баянова.

Если вернуться на много лет назад, когда я жила в Бухаресте, то у меня друзей было — не счесть! Это не просто слово «друг», это были настоящие, верные, многолетние друзья, которые уже стали, как родные. Мы все тогда были еще сравнительно молоды. Я считаю, что 40—50 лет — это расцвет человека. Помню, сколько мы хохотали, сколько шутили... Невозможно было не встречаться, потому что тосковали друг по другу. Нас было много, но вот все как-то ушли сразу, в два года. Они покинули этот мир, каждый по-своему... Ну все поумирали! Просто не знаю, что это с ними такое произошло? Сегодня у меня в Бухаресте абсолютно никого не осталось, не с кем вспомнить...

Но когда они были, как было весело! Нам плевать было на то, кто там стоит у руля этой самой страны, которая, в общем, была не наша, хотя мы к румынам относились хорошо. Публика румынская и меня лично, и мое творчество очень любила. После каждого телевизионного концерта у меня не смолкал телефон. И все почему-то говорили: «Я так плакала, когда ты пела!» Почему были слезы, когда песни-то у меня не все грустные? Ну, конечно, я пела и романсы, и песни на их языке, на румынском. У них есть прекрасные романсы!

То, что меня Чаушеску очень не любил, я уже говорила и писала об этом в своей первой книге. Он мне закрыл все пути, заявив, что от меня несет Россией за версту. Это ему очень не нравилось, потому что он ненавидел русских и все русское. И хотя я совершенно свободно, как на своем родном языке, говорю и пою по-румынски, он все равно чуял русское. И вот «нам таких, как Баянова, не надо. И фамилия у нее, и сама она русская, и уж больно симпатизирует Советскому Союзу, бывает в советском посольстве, там к ней и относятся по-особому...».

Это было правдой. Тогда послом был Евгений Михайлович Тяжельников, очень много мне помогавший в те голодные, страшные времена, которые мы переживали. И если приезжали какие-нибудь большие артисты, певцы, поэты, он всегда посылал за мной машину. Так я слушала в Бухаресте Ольгу Воронец, Марию Биешу, Роберта Рождественского и других. С Робертом и его женой Аллой у меня с первого взгляда пролетела какая-то особенная искра симпатии. Алла Борисовна Рождественская потом очень помогла мне в моих первых гастролях в России — и материально, и душевно. Ведь иногда у меня были просто моменты отчаяния, а она всегда могла поднять мне настроение и веру в то хорошее будущее, в котором я сомневалась. Часто передавала мне по сто рублей — немалые тогда деньги! А кроме этих сотен, ее дом всегда был открыт для меня, и мой престиж и авторитет росли от присутствия там. К Рождественским заходило много интересных людей. У них в семье считалось, что каждый гость дается Богом. Всегда был накрыт стол, угощали всех, кто туда приходил. Алла выручила меня, одолжив мне красивое концертное платье, которое я берегла как зеницу ока... И первое, что я сделала потом, когда моя жизнь в корне поменялась после первой телевизионной передачи по советскому ТВ (после которой А. Б. проснулась знаменитой. — Ред.), я отдала ей мой денежный долг и платье.

— Что это? — удивилась она. — Ну ты даешь! Мне еще никогда никто ничего не вернул! Спасибо!

В общем, с Рождественскими меня связала в Москве очень теплая дружба, она длится, хотя Роберта уже нет с нами, по сей день и будет длиться всегда. Я очень тяжело пережила смерть нашего милого Робушки, которого высоко ценю как поэта. Я написала музыку на его стихи «Полынь», «Сладкая ягода».

Я уже говорила о том, что решилась сломать свою жизнь на закате дней и приехать в Россию только благодаря друзьям, которых я обрела в Петербурге, а потом и в Москве. Поначалу было очень трудно не иметь своего угла, скитаться из квартиры в квартиру, из семьи в семью: все казалось, что беспокою людей. Это ложилось тяжелым бременем на сердце. Я себя чувствовала буквально каким-то «бомжем»: без вещей, без угла. Тогда особенно тепло отнеслась к моим мытарствам Д. М. Карлина и чета Матвеевых в Ленинграде. Я в те времена работала там с сольными концертами в ДК им. Ногина. Директором этого уютного зала была М. А. Волкова, с которой мы и по сей день остаемся друзьями. Я помню, как после моего третьего выступления туда уже невозможно было попасть...

Мне повезло еще и в том, что возле меня, как ангел-хранитель, оказалась Римма Павловна Мошникова, много лет проработавшая в Русском музее. Она по сей день обо мне заботится, привязана ко мне, так же, впрочем, как и я к ней. А иногда моя Риммочка бывает чересчур строгой, ворчит на меня и командует. Скажу по секрету, что тогда я ее даже побаиваюсь. Но это я так... Я ей все прощаю, потому что не могла бы найти более верного человека: она и приготовит, и лекарство вовремя подаст, и уберет, и с собаками погуляет... Я с ней могу поговорить обо всем: о живописи, о литературе, о жизни. Нам есть что вспомнить и грустного, и смешного. Я еще об этом расскажу.

Но продолжу о моих друзьях. Самая счастливая пора моей творческой жизни началась вместе с первоклассным ансамблем, который создал Михаил Аптекман. Я нашла его где-то в глубинках России и договорилась о работе. Под его руководством и под его дивный аккомпанемент я птицей летала и пела по необъятной Руси... Гастроли длительные, веселые, богатые во всех отношениях. Хотя они и были тяжелыми в смысле физическом в условиях нашей страны, но в творческом — возродили меня снова к счастью. Счастье мое еще заключается в том, что я всегда пою живым голосом под оркестр и никогда не пользуюсь фонограммами, что считаю обманом публики. Я благодарю свой ансамбль, с которым так много пережито и с которым, к сожалению, сегодня пришлось расстаться. И все это из-за наших невыносимых условий жизни в поездах, в гостиницах, цены которых не может выдержать ни одна филармония.

Конечно, я еще раз хочу поблагодарить Давида Владимировича Ашкенази за его удивительную работу со мной и Виктора Наумовича Фридмана, которого я также считаю моим близким другом и чутким аккомпаниатором во всех моих московских концертах и выступлениях.

Видите, у меня еще в Советском Союзе образовались старые, проверенные друзья!

(Продолжение следует)